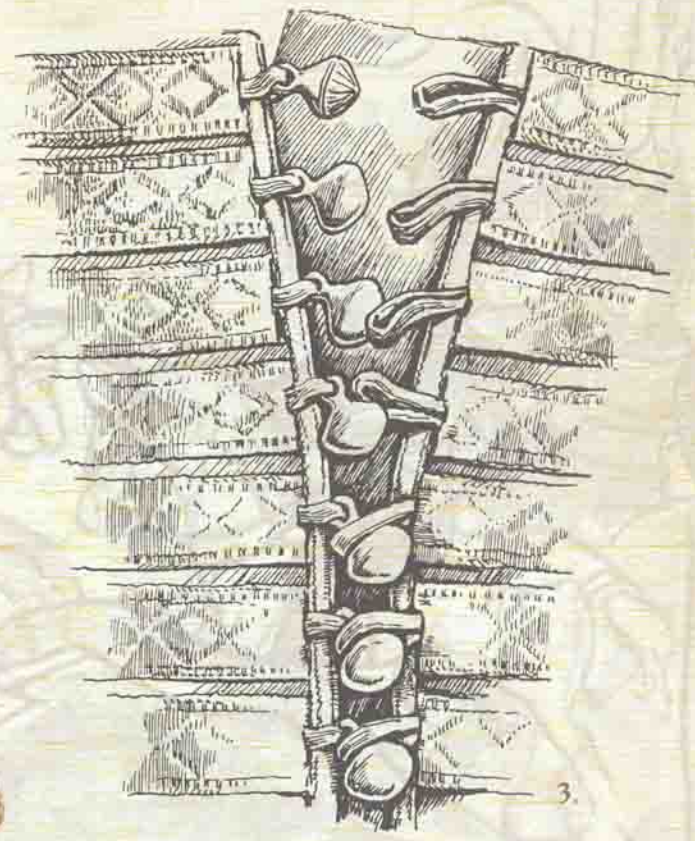

ВОЕННЫЙ СБОРНИК

СТАТЬИ И ПУБЛИКАЦИИ
ПО РОССИЙСКОЙ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ
ДО 1917

МОСКВА
2004

...ВЛАДИСЛАВЪ ...
...ПРОТНЪ ...

ДРЕВНЕРУССКИЙ ДРУЖИННИК ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ X ВЕКА

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ

Сергей Каинов

Соавтор реконструкции Олег Федоров

Процесс формирования древнерусской дружинной культуры, происходивший одновременно со сложением государства Древняя Русь, отразил многие политические, социальные и этнические реалии конца IX — начала XI веков. При первом же знакомстве с комплексом предметов вооружения того времени бросается в глаза многообразие категорий и типов вещей, совершенно не характерное для более поздних периодов. Объяснение этому во многом кроется в сложных этнических процессах на территориях, вошедших в состав древнерусского государства, к тому же расположенных в разных ландшафтных зонах.

Славянские племена, заселявшие большую часть будущего государства, в военно-техническом отношении были слабы. Их вооружение в основном ограничивалось топорами, наконечниками копий и стрел. Эта ситуация радикально изменилась с проникновением на древнерусские земли скандинавов, называемых в письменных источниках «русами». Они привнесли на восточно-европейскую территорию прогрессивные для того периода предметы вооружения и, приняв непосредственное участие в образовании государства, составили наиболее профессиональную часть войска Древней Руси.

В начальный период существования «русское» войско отличалась одна особенность — практика исключительно пешего боя. Многочисленные подтверждения тому можно найти в арабских и византийских письменных источниках:

Ибн Русте (начало X века): «Русы мужественны и храбры. Когда они нападают на другой народ, то не отступают, пока не уничтожат. Ростом они высоки, красивы собой и смелы в нападениях. Но смелости этой на коне не обнаруживают: все свои набеги и походы производят они на кораблях».

Лев Диакон (X век): «Скифы (в данном случае имеются в виду русы — С.К.) сражаются в пешем строю; они не привыкли воевать на конях и не упражняются в этом деле».

Ибн Мискавейх (X—XI века): «Сражаются они (руссы — С.К.) копьями и щитами, опоясываются мечом и привешивают дубину и орудие, подобное кизжалу. И сражаются они пешими, особенно эти прибывшие [на судах]».

Коней руссы рассматривали только как средство передвижения и не использовали их в бою. Тем более, что в интересующий нас период в Европе были распространены преимущественно малорослые (около 130 см в холке) породы лошадей, явно не способных вынести в бою всадника в полном вооружении.

Однако, всё возрастающая агрессия молодого древнерусского государства, направленная в основном на Юг, приводила к кровопролитным конфликтам с такими могущественными государствами того времени, как Хазарский каганат и Византийская империя, войска которых располагали конницей. Ведение военных действий против мобильных отрядов всадников-степняков или тяжеловооруженной конницы византийцев значительно осложнялось отсутствием собственных конных воинов.

Эта проблема отчасти решалась путем заключения союзных договоров с отдельными кочевническими ордами. Так, в походе князя Игоря на Византию (944) его союзниками выступали печенеги. Князю Святославу во время военной кампании против Болгарии и Византии помогали печенеги и венгры.

Предположительно, в середине X века предпринимаются первые усилия по созданию собственной конницы. Как сообщает византийский император Константин Багрянородный, русы покупали у печенегов лошадей, по всей видимости, специально выезженных. Есть также сведения о покупке седел и узд у чехов в Праге.

А в 996 великий князь Владимир ввел в законодательство особые штрафы, которые шли на закупку лошадей и оружия.

Одна из первых попыток русов попробовать свои силы в сражении верхом на лошадях была предпринята в битве под Доростолом в 971: «Вышли они, выстроившись в боевой порядок, и тогда в первый раз появились верхом на лошадях; в предшествующих же сражениях бились пешими». Но эта попытка закончилась плачевно: «...romeи (византийцы — С.К.) обратили варваров (руссов — С.К.) в бегство своей доблестью и, прижав к стене, многих перебили в этой стычке и всего более — всадников».

И хотя первые неудачи не остановили русов, собственной конницы им по-прежнему не хватало, так что практика привлечения конных отрядов степняков продолжилась и в дальнейшем — в 985 в походе князя Владимира против Волжской Болгарии участвовали торки; в 1023 князь тмутараканский Мстислав «поиде ... на Ярослава с козары и с касоги», а с конца XI века в качестве федерата Древней Руси существовало объединение кочевнических орд — «Черноклобуцкий союз» (черные клобуки).

Кочевники входили и непосредственно в состав древнерусских дружин. Так, под 1015 годом в «Повести Временных лет» упоминаются Еловит и Горясер (тюркские имена), которые были дружинниками Святополка Окаянного и принимали участие в убийстве князей Бориса и Глеба.

Несомненно, что тесное боевое содружество со степняками не прошло даром для древнерусских воинов. Перенимая навыки боя верхом на лошади, они заимствуют и многие предметы (в том числе оружие и одежду), характерные именно для «всаднических» культур. Так на Руси распространились сфероконические шлемы, сабли, кистени, сложные луки, наконечники копий типа пик, кафтаны, набортные пояса, сумки-ташки и многие другие вещи, связанные со снаряжением и убранством коня. Надо отметить, что и боевой конь, и снаряжение всадника стоили в то время очень дорого, так что владеть ими могли только состоятельные воины-дружинники.

Яркое подтверждение этому процессу предоставляют данные археологии. В разных местах, имевших в X веке важное военно-административное и торговое значение, найдены погребения древнерусских дружинников, содержащие, как европейские, так и «восточные» (всаднические) предметы вооружения и одежды.

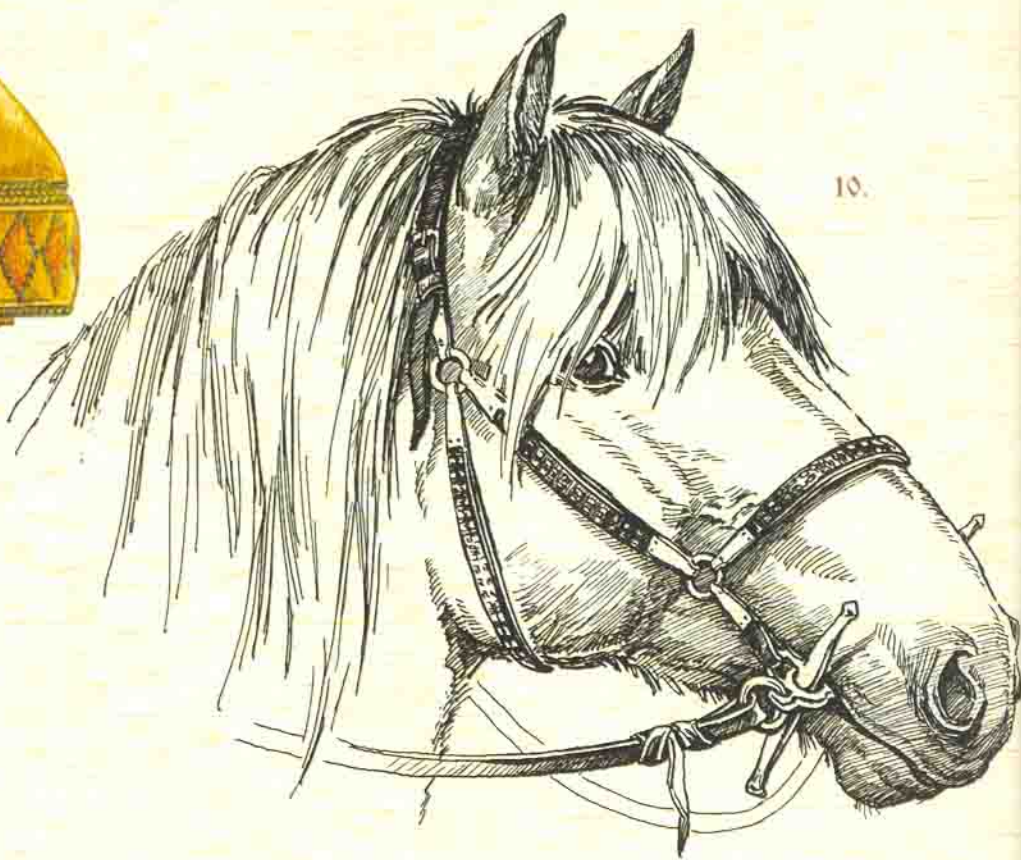
Предлагаемая вниманию читателя реконструкция основана на одном из погребений Гнёздовского археологического комплекса памятников, расположенного близ Смоленска и бывшего одним из важнейших пунктов на пути «из Варяг в Греки». За более чем вековой период изучения Гнёздова там раскопано свыше тысячи курганов, что позволило собрать богатейшие научные сведения о материальной культуре древнерусского общества конца IX — начала XI веков. Выбранный нами комплекс погребения отличается богатством инвентаря, сопровождающего покойного, а также сохранностью некоторых предметов одежды.

ОРУЖИЕ

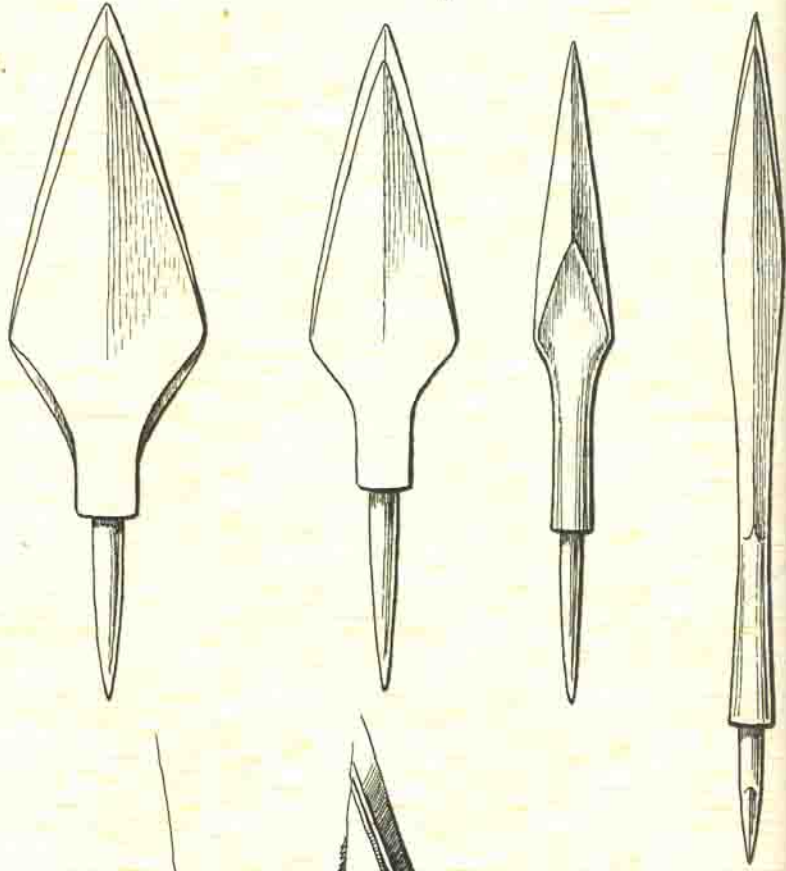
Меч. Найденный в погребении меч по типологии норвежского исследователя Я.Петерсена относится к типу V. Все детали рукояти украшены инкрустированными проволочками из разных металлов, образующими нарядный полихромный узор. Перекрестие и основание навершия орнаментированы двумя рядами золотых треугольников, между которыми расположены ромбы, выполненные из медно-золотых «косичек». Подобную же схему орнаментации имеет центральная часть головки навершия, а ее боковые части полностью забиты золотом. Можно представить всю

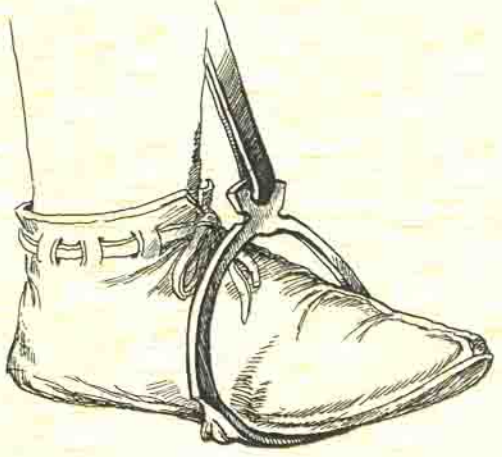
I.

2.

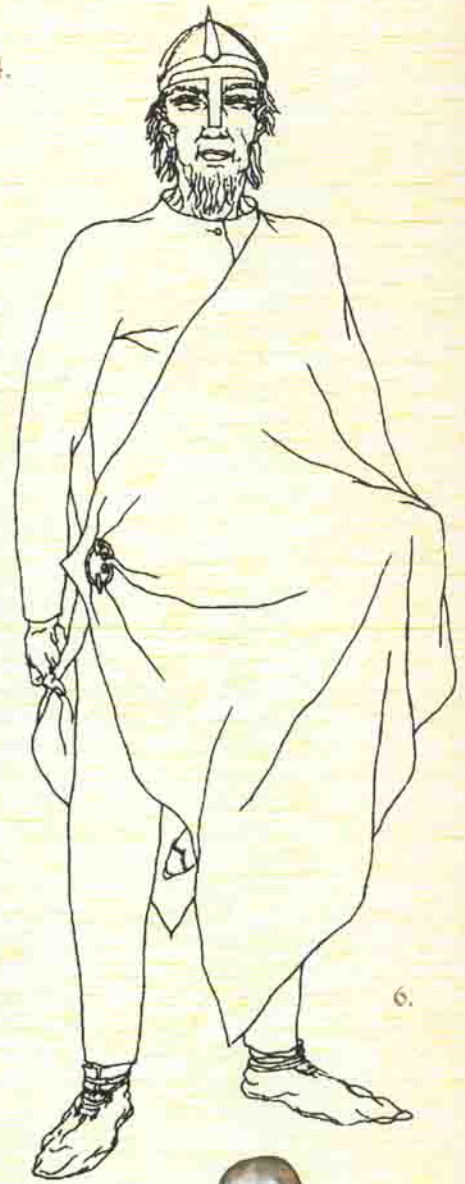

II.

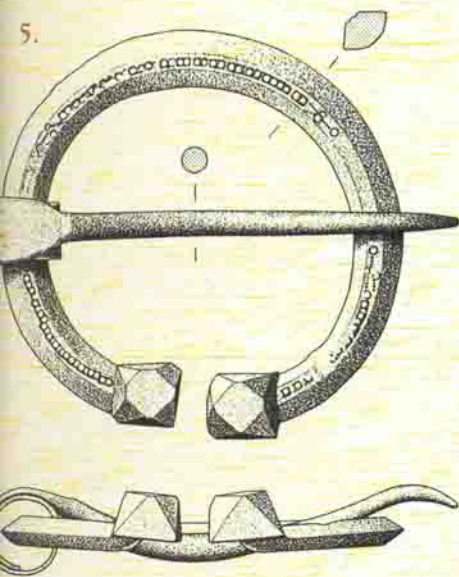

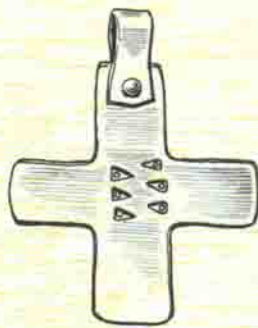
4.

6.

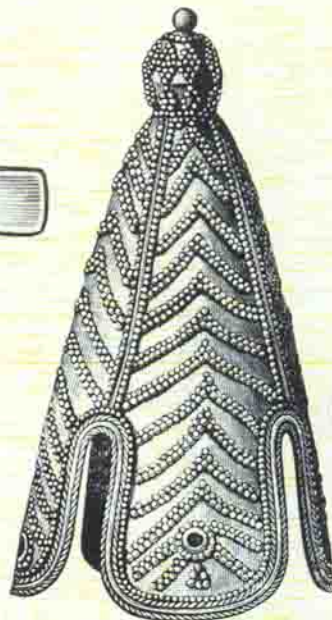

5.

9.

7.

8.

трудоемкость процесса инкрустации (а, следовательно, и цену этого оружия), если плотность забивки поверхности деталей рукоятки составляет три проволочки на 1 мм (!).

Клинок сохранился довольно плохо, но всё же можно указать основные размеры меча: общая длина — 85 см, длина клинка — 69 см, ширина клинка у перекрестия — 6 см, а в семи сантиметрах от конца клинка — 3,5 см. Центральную часть клинка занимал дол шириной около 2,5 см (илл.1).

На клинке сохранились остатки ножен, по которым можно реконструировать схему их изготовления. Нижний слой состоял из шкуры, вывернутой мехом к клинку; затем располагался тонкий слой дерева, снаружи покрытый кожей или материей. Мех смазывали салом для предохранения клинка меча от ржавчины. Нижний конец ножен иногда снабжался бронзовым наконечником, но в данном погребении он отсутствует. Изображения на ряде европейских миниатюр, в сочетании с археологическими находками, позволяют предположить простую обмотку конца ножен кожаным ремешком (вместо наконечника). Изображенная на реконструкции портупея (от которой в погребении найдена небольшая железная пряжка) предполагает вертикальное ношение меча на плечевом ремне. Ремешок на устье, как свидетельствуют скандинавские саги, фиксировал меч в ножнах.

Копье. О наличии в погребении копьё можно судить по находке железного копейного наконечника. По форме он относится к так называемым «ланцетовидным» наконечникам, широко распространенным в «эпоху викингов» в Северной Европе, а также в северо-западном регионе Древней Руси. Длина наконечника около 40 см, наибольшая ширина лезвия и ширина втулки — 3 см. Длина древка подобного копьё, по-видимому, не превышала двух метров.

Топор. Найденный в погребении топор относится к типу топор-чеканов. Он имеет трапециевидное лезвие, а обух снабжен узким пластинчатым выступом. Общая длина топора около 15 см, а наибольшая ширина лезвия — 6,5 см. Самые древние образцы подобных топоров найдены в кочевнических погребениях в Башкирии. В X веке, несколько видоизменившись, наибольшее распространение они получают в Древней Руси, откуда затем единичные экземпляры попадают на территорию Швеции, Польши, Латвии и других стран. Судя по некоторым восточным изображениям и ряду археологических находок, длина деревянных рукоятей топоров-чеканов могла достигать 70–80 см. Иногда рукоять снабжалась темляком. Во время походов, в целях безопасности и сохранения лезвия от ржавчины, топоры носили в кожаных или матерчатых проволочных чехлах.

Лук. Стрелы. Колчан. Из метательного вооружения в погребении найдены только пять железных наконечников стрел. Один из них имеет перо ланцетовидной формы (что характерно для скандинавских наконечников стрел), два — ромбовидной и один — вытянутой подтреугольной формы (пятый наконечник сильно фрагментирован). Древки стрел изготавливались из прямослойных пород дерева — таких, как сосна, береза, ясень и проч. Их длина колебалась от 60 до 80 см, а диаметр — от 0,6 до 1 см. Черешки наконечников стрел вставлялись в расщепленный или специально рассверленный торец древка, а затем это место обматывалось тонким слоем бересты. На другом конце древка при помощи клея, жил или конского волоса крепилось оперение, которое служило для придания стреле устойчивости в полете. Под оперением на торце крепилось ушко с вырезом для тетивы лука. Компактное расположение наконечников стрел позволяет предположить, что они находились в колчане, который был изготовлен, судя по отсутствию металлических деталей, только из органических материалов — кожи, дерева, бересты и т.п. (илл.2).

Возможно, что в погребении находился и лук. Очень короткий черешок (около 2,5 см) одного наконечника стрелы, скорее всего, свидетельствует об использовании простого лука, то есть изготовленного из целого куска дерева и не имевшего костяных или роговых накладок. Дело в том, что сложные луки имели значительную силу натяжения, а, следовательно, и убийную силу. Короткие же черешки стрел обеспечивали достаточно слабое крепление наконечника на древке, что позволяет усомниться в возможности их

употребления при стрельбе из сложносоставного лука. Наше предположение подтверждает и тот факт, что в Скандинавии, где как раз и были распространены простые луки, подавляющее большинство стрел имели короткий черешок. Степные же народы использовали в основном сложносоставные луки, а черешки наконечников их стрел по большей части имеют значительную длину.

ОДЕЖДА

Об этом явлении материальной культуры IX–X веков, основываясь на данных археологии, можно сказать относительно немного. Только привлечение письменных и изобразительных источников позволяет с определенной долей условности реконструировать те или иные детали одежды представителей воинского сословия того времени.

Кафтан. Погребение, выбранное нами для реконструкции, — одно из немногих, где сохранились фрагменты одежды X века. Здесь была найдена верхняя часть кафтана, представляющая собой два ряда тесно расположенных золототканых шелковых орнаментированных нашивок — по 24 с каждой стороны от застежки. Это не что иное, как известные по более поздним образцам одежды «разговоры». Ряд нашивок на правой поле заканчивается закрепленными на шнурочках бронзовыми пуговицами, а левый ряд — петельками. Все пуговицы имеют гладкую поверхность, за исключением верхней — рубчатой (илл.3).

Кафтан, как тип одежды, несомненно, был заимствован русами у кочевников. Сам покрой его как раз приспособлен для верховой езды. Хорошо сохранившиеся образцы аланских кафтанов IX века, найденные на Северном Кавказе, дают представление о системе кроя этого типа одежды. Аланские кафтаны, в зависимости от богатства владельца, изготавливались из шелка (византийского, китайского и согдийского) либо из льна. Некоторые кафтаны подбивались мехом — подобный способ утепления изображен на одной из болгарских миниатюр XI века (илл.4).

Более суровые климатические условия на большей части территории Древней Руси (особенно в ее северных районах), а также дороговизна такого материала, как шелк, дают основание предполагать, что при шитье русских кафтанов могла использоваться шерстяная ткань. На нашей реконструкции показан кафтан из шерстяной ткани, орнаментированной в технике набойки черной краской. Арабский путешественник и географ X века Ибн Фадлан, описывая похороны знатного руса, в частности, говорил: «Итак, они надели на него шаровары, и гетры, и сапоги, и куртку, и кафтан парчовый с пуговицами из золота (! — С.К.), и надели ему на голову шапку из парчи, соболевую».

Помимо Гнёздова, подобные кафтанные «нагрудники» из тесно расположенных «разговоров» зафиксированы только в некоторых погребениях в древнерусском могильнике Шестовицы под Черниговом и в крупнейшем скандинавском могильнике «эпохи викингов» — Бирке. Наборы из нескольких десятков пуговиц — скорее всего, также от кафтанов — найдены и в погребениях по обряду трупосожжения в Седневском и Черниговском могильниках. В то же время нельзя указать прямые аналоги подобного типа «нагрудников», которые встречались бы в кочевнических памятниках. Аланские кафтаны, например, застегивались всего на несколько пуговиц. С определенной долей вероятности можно предположить, что русы, заимствовав у степных кочевников саму идею кафтана, изменили эту одежду в деталях.

Штаны. К сожалению, никакими прямыми свидетельствами о покрое штанов того времени авторы не располагают. Обращение к письменным и изобразительным источникам позволило показать на реконструкции штаны типа шаровар. О ношении русами таких шаровар — широких, собранных в сборку у колена, — упоминает, в частности, арабский историк начала X века Ибн Русте.

Обувь. Никаких остатков обуви в погребении не обнаружено. Воин на реконструкции одет в обычные для того периода ботинки-подусапоги. Также вполне допустимо и ношение заимствованных у кочевников сапог (выше они упомянуты в описании Ибн Фадлана). Зимой и в ненастье на обуви носили подковки в виде

обувных шипов, получивших в специальной литературе название «ледоходных». Подобные шипы использовались и для подковывания лошадей.

Плащ. Найденная в погребении бронзовая подковообразная фибула свидетельствует о наличии плаща (илл.5). Изображенный на реконструкции плащ, покрывающий один бок воина, описывается в своем сочинении Ибн Фадлан (там этот вид верхней одежды называется «*кисой*»). Возможно, плащ носили иным способом. В погребении фибула располагалась в области пояса сбоку от покойного — это позволяет предположить, что застегивали ее не на груди или плече, а сбоку под рукой (илл.6).

Шапка. Прямых свидетельств о присутствии в погребении головной убора нет. Только возле головы покойного найдено несколько пуговиц, аналогичных пуговицам на кафтани и, возможно, относящихся к шапке. Представленный на нашем рисунке головной убор является реконструкцией «*русской меховой шапки*», известной по скандинавским сагам. В Бирке в двух погребениях найдены серебряные, украшенные сканью и зернью, конические колпачки (илл.7), которые трактуются как окончания головных уборов колпакообразной формы с меховой оторочкой. По мнению некоторых шведских исследователей, именно так выглядела «*русская шапка*», изготовленная мастерами Киевской Руси. Сама форма шапки, скорее всего, принадлежит кочевническим культурам — об этом, в частности, свидетельствуют колпачки, аналогичные происходящим из Бирки, но украшенные в другой технике и найденные в Венгрии (илл.8).

Возможно, что именно такую колпаковидную шапку описывали некоторые арабские писатели: «*Они (русы — С.К.) имеют обыкновение носить шерстяные шапки со свесившимся хвостом по затылку*» (вариант перевода — «*спуская визг за затылком конец*»). Ибн Фадлан упоминает парчовую шапку, отороченную соболем (см. выше). «*Русская*» шапка, изображенная на реконструкции, оторочена лисьим мехом и заканчивается кожаным колпачком. Расположенные по вертикали пуговицы как бы продолжают ось, образованную пуговицами кафтана.

Из других предметов, содержащихся в погребении, следует отметить остатки поясной сумки в виде пятна коричневого тлена размером 18 × 19 см и нескольких бронзовых бляшек, некогда украшавших сумочную крышку и заправляющий ремешок. Подобные сумки-ташки нередко встречаются в древнерусских погребениях X века. Их также считают заимствованными у кочевников, скорее всего, венгров. Некоторые лучше сохранившиеся образцы сумок позволили нам реконструировать ее внешний вид на рисунке. Внутри сумочки хранились оселок (точильный камень) и кресало калачевидной формы для высекания огня. Никаких остатков пояса в погребении не зафиксировано.

На груди покойного, поверх кафтана, находилась серебряная подвеска-крестик, свидетельствующая о том, что ее владелец был христианином (илл.9). Также следует отметить находку двух боченковидных омедненных гирек, которые использовались для взвешиваний при торговых операциях. В ногах погребенного был положен конь. Из снаряжения верхового коня найдены железные двусоставные удила с псаллиями (илл.10), стремяна (илл.11) и остатки украшения упряжи.

Заканчивая на этом описание погребального инвентаря, обратимся к самому погребению. Оно было совершено в камере — большой подпрямоугольной яме с деревянными срубными или столбовыми конструкциями внутри. Подобный обряд, пришедший на Русь из Скандинавии, довольно широко представлен в Верхнем и Среднем Поднепровье, а также в Ярославском Поволжье. Именно в этих регионах находят поселения, имевшие важное государственное значение, — такие, как Гнёздово, Шестовицы, Тимерево, Чернигов. Распространение обряда захоронений в камерах (по большей части это погребения княжеских дружинников и членов их семей) связано с распространением на эти регионы власти киевских князей. Напомним, что именно в Киеве найдены одни из самых богатых камерных погребений.

Дендрохронологический анализ древесных конструкций камеры свидетельствует, что погребение было совершено около 975.

Это позволяет заключить, что похороненный в нем дружинник жил и сражался во времена князей Святослава и Ярополка.

Итак, в заключение можно сказать, что воинская материальная культура Древней Руси складывалась при отчетливом взаимодействии двух «традиций». Первая «традиция» связана с пешим боем. Ее носителями являлись, как народы, жившие на территории Древней Руси — славяне, финны, балты, — так и пришельцы-скандинавы, которые составляли наиболее профессиональную часть древнерусских дружин. Вторая «традиция» отразила влияние степного мира — мира всадников, носителей обычаев конного боя. Печенеги, венгры и другие кочевники, оставаясь одними из главных врагов древнерусского государства, в то же самое время зачастую выступали как его союзники и федераты, способствуя тем самым обучению русских дружинников навыкам конного боя и созданию собственной конницы Древней Руси.

Для каждой из названных «традиций» были свойственны присущие только ей предметы вооружения и снаряжения коня, одежды и украшений всадника. Но на землях Древней Руси обе «традиции» вошли во взаимодействие, на основе которого и сложился собственный древнерусский комплекс воинской материальной культуры. □

Авторы выражают благодарность начальнику Гнёздовской археологической экспедиции Пушкиной Т.А. за предоставленную возможность использовать неопубликованные материалы раскопок в Гнёздово.

Авдусин Д.А., Пушкина Т.А. Три погребальные камеры из Гнёздова. // История и культура древнерусского города. М., 1989.

Бодильфельд Д.И. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977.

Заходер Б.И. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т.2. М., 1967.

Ибн Русте. Дорогие ценности. // Материалы по истории СССР. Вып.1. М., 1985.

Кашнов С.Ю. Скандинавские наемники на Руси. Конец IX — середина XI веков. // Военная иллюстрация. № 1/1998.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып.1. Мечи и сабли IX—XIII вв. М.-Л., 1966.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып.2. Котья, сулицы, боевые топоры, кистени IX—XIII вв. М.-Л., 1966.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып.3. Доспех, комплекс боевых средств IX—XIII вв. М.-Л., 1971.

Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. М.-Л., 1973.

Лев Диакон. История. М., 1988.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. М.-Л., 1966.

Михайлов К.А. К вопросу о формировании всаднической субкультуры в Древней Руси. // Новгород и новгородская земля. История и культура. Новгород, 1994.

Перхавко В.Б. Классификация орудий труда и предметов вооружения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Дуны. // Советская археология. 1979. № 4.

Петрухин В.Я. Славяне, варяги и хазары на юге Руси. К проблеме формирования территории древнерусского государства. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992—1993. М., 1995.

Повесть Временных лет. // Библиотека литературы Древней Руси. Т.1. СПб., 1997.

Saga о Гисли. // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973.

Херрман Й. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона. // Славяне и скандинавы. М., 1986.

Geibig A. Beiträge zur morphologischen Entwicklung des Schwertes im Mittelalter. Offa-Bücher 71. Neumünster, 1991.

Peterssen J. De norske vikingsverd. Christiania, 1919.

The Ancient Hungarians (Exhibition Catalogue). Budapest, 1996.

Предметы на иллюстрациях 1, 2, 3, 5 и 9 показаны в натуральную величину. Иллюстрация 5 изображает подковообразную фибулу, подобную найденной в рассматриваемом погребении.